

Твой отец
не умер.
Он просто
исчез.

ЧАСТНЫЙ АРХИВ ВОЛЮВА

ИМЯ:

РОЗА ЛЕСКОВА

ПОМЕТКИ:

*Семейное дело —
частично отредактировано*

168

КРАСНАЯ ШАПОЧКА ПИСЬМО ОТ ВОЛКА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМЕЙНЫЙ РОМАН
СВЕТЛАНА РОДИНА

Светлана Родина

Красная Шапочка.

Письмо от Волка

<https://litres.ru/74066533>

SelfPub; 2026

Аннотация

В день своего пятидесят третьего рождения Роза получает письмо, которое возвращает в её жизнь исчезнувшего отца.

Её отец не умер.

Он исчез.

След ведёт в частный архив Вольфа — место, где десятилетиями собирали чужие фотографии, письма, имена и следы людей, которых будто вычеркнули из семейной памяти.

Теперь Розе предстоит узнать, кем был её отец — и почему в её семье о нём оказалось легче молчать, чем помнить.

Но время работает против неё: мать, единственный живой свидетель прошлого, начинает терять память. А взрослый сын Розы готовится уехать, не понимая, что семейное молчание передаётся не хуже фамилии.

«Красная Шапочка. Письмо от Волка» — психологический роман о памяти, родителях и взрослых детях, о правде, которая приходит слишком поздно.

Она искала отца.

А нашла молчание, за которое держалась вся семья.

Содержание

Глава первая. Пятьдесят три	5
Глава вторая. Торт	12
Глава третья. На будущее	24
Глава четвёртая. Разумное объяснение	37
Глава пятая. Временная версия	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Светлана Родина

Красная Шапочка.

Письмо от Волка

Глава первая. Пятьдесят три

Первой о дне рождения Розы Лесковой вспомнила не семья, а международная корпорация.

В 00:03 телефон на тумбочке ожил, мигнул конфетти и выдал бодрое: «С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, РОЗА!» Четыре секунды цифрового восторга от отдела удержания клиентов. Потом поздравил банк. Его поддержку Роза терпеть не могла, зато маркетинговый отдел любил её с подозрительным усердием.

Пятьдесят три выглядело не возрастом, а строкой в анкете: медицинским кодом, налоговой категорией, очередной графой, которую заполняют без особого интереса. Роза попыталась представить эти пятьдесят три года как сумму дней, лиц, решений, переездов, но в голове всплывали только формы, пароли и напоминания об оплате. Так было проще. Чем угодно, только не прожитой жизнью.

Роза выключила экран и снова уснула.

В 06:17 телефон зазвонил уже по-настоящему. На экране

было имя матери. Елена Борисовна не поздравляла — она входила в день рождения дочери как в комнату, где надо немедленно поправить занавески.

Роза ответила на четвёртом звонке.

— Ты всё ещё в постели.

Ни «доброе утро», ни «с днём рождения». Только привычная проверка порядка.

— Да, мама.

— В твоём возрасте нельзя растрачивать утро.

Роза посмотрела на часы. В Буэнос-Айресе утро ещё не победило темноту, но Елену Борисовну такие мелочи никогда не останавливали.

— Спасибо за поддержку.

Мать пропустила иронию. Она вообще умела не слышать всё, что мешало ей продолжать разговор в нужную сторону.

— Дмитрий звонил?

Вот она, настоящая тема. Роза посмотрела на экран: ни пропущенных звонков, ни сообщений. Только банк оказался пунктуальнее семьи.

— Пока нет.

— Он забудет. Я просто реалистка.

У Елены Борисовны реализм часто означал одно: сейчас тебя будут ругать, но без повышения голоса.

Роза хотела ответить резко, но вместо этого промолчала. Не из великодушия: просто утро ещё не успело дать ей нужное количество злости. Она слушала, как мать на другом

конце линии поправляет что-то на столе: стекло о стекло, ложка о блюде. Елена Борисовна всегда умела звучать занятой даже тогда, когда разговаривала о чужом одиночестве.

— Ты ела? — спросила мать после короткой паузы.

— Сейчас шесть утра.

— Это не ответ.

Роза закрыла глаза. В этом была вся Елена: поздравить она не могла, но проконтролировать завтрак — пожалуйста, с доставкой и моральным превосходством.

После звонка Роза ещё несколько минут лежала неподвижно. За окном прошёл автобус, во дворе лаяла собака, кто-то крикнул через улицу. Буэнос-Айрес просыпался без её участия, и это почти утешало.

К десяти она дошла до офиса Lost Buenos Aires. Архив занимал два этажа бывшего склада, отреставрированного так тщательно, что от настоящего прошлого почти ничего не осталось. Коллеги называли проект Archivo de Ausencias — «Архив отсутствий». Официально это название не проходило ни в одном документе, поэтому держалось особенно крепко.

Роза работала там четырнадцать лет. Она знала, какой ключ заедает в шкафу с договорами, где течёт кондиционер и каким голосом Мартин Паредес сообщает плохие новости. В последнее время выяснялось: знать устройство места ещё не значит быть в нём нужной.

В половине двенадцатого Мартин Паредес попросил её

«на минутку». Он сказал это мягко, почти виновато. Роза сразу поняла: разговор будет не на минутку и не про неё, а про решение, которое уже где-то приняли.

В переговорной с видом на внутренний двор Мартин говорил о новой структуре проекта, гибкости и профессиональных траекториях. Он ни разу не сказал: «Мы не знаем, что с вами делать». В корпоративной речи такое обычно прячут в красивые слова, чтобы человек не сразу понял, где именно его подвинули.

— Где я в этой новой структуре? — спросила Роза.

Мартин сложил руки.

— Ваш опыт остаётся чрезвычайно ценным.

Роза кивнула. Эту фразу она уже слышала в разных вариантах. Обычно после неё просили сохранять спокойствие.

Официально ничего не случилось: её не уволили, не повысили, не перевели. Только попросили «оставаться гибкой». Роза вышла из переговорной, застегнула пиджак на ходу и заметила, что ладони стали холодными.

За обедом Лусия Феррейра села напротив неё в кафе внизу. Двадцать девять лет, цифровой архив, два монитора вместо веры в бумагу и манера говорить так, будто возраст — досадная техническая задержка.

— У вас лицо, будто вам сейчас показали презентацию про будущее, — сказала Лусия.

— Так и было.

— Хорошее или плохое?

— Корпоративное.

Лусия поморщилась.

— Мои соболезнования.

Роза невольно улыбнулась.

— Ты слишком молода для таких выводов.

— Я аргентинка. У нас разочарование часто приходит раньше доставки еды.

Роза снова проверила телефон. От Дмитрия ничего. В переписке с сыном последним было её сообщение: «Не забудь подтвердить билет. И напиши бабушке, она делает вид, что не ждёт, но ждёт». Дмитрий ответил большим пальцем. Синий значок умел быть одновременно согласием, отказом от разговора и квитанцией о получении материнского беспокойства.

В 15:42 наконец пришло: «Прости, мам. Загруженный день. С днём рождения».

Роза прочла сообщение дважды. Международная корпорация вспомнила первой. Единственный сын — в конце концов.

Она набрала: «Не утруждайся». Посмотрела на эти два слова, стёрла и написала: «Спасибо, милый».

Отправила.

Вечером она купила себе маленький торт: сладкого не хотелось, зато день рождения без торта выглядел как канцелярская ошибка. Дома отрезала кусок и съела его стоя у раковины, не включая верхний свет; на столе остался торт, теле-

фон молчал, а в углу стояли коробки, до которых она снова не дошла.

Когда Роза мыла нож, зазвонил домофон.

Внизу стоял курьер с потёртой картонной посылкой. Коробка была заклеена аргентинскими наклейками. Отправителя не было. Обратного адреса тоже. Только её имя: РОЗА АНДРЕЕВНА ЛЕСКОВА.

Коробка оказалась тяжелее, чем выглядела.

Роза подняла её наверх и поставила рядом с недоеденным тортом. Несколько секунд она просто смотрела на коробку, потом зачем-то проверила замок на двери, хотя курьер уже ушёл. Взяла нож. Положила. Включила чайник. Выключила, не дождавшись кипения. Наконец снова взяла нож и разрежала скотч неровной линией, почти сердито. Внутри лежали фотографии, старые трамвайные билеты, квитанции, визитные карточки и тонкая папка.

На обложке выцветшим почерком было написано:

РОЗА АНДРЕЕВНА ЛЕСКОВА

ЛИЧНОЕ

В папке лежала фотография: кухня, трое взрослых, ребёнок в красной шапке. Сначала Роза решила, что это какая-то чужая семейная сцена, случайно попавшая в её папку. Потом взгляд зацепился за подбородок девочки, за упрямый наклон головы, за нелепо завязанную шапку. Ребёнок, кажется, была она. Именно это «кажется» оказалось неприятнее уверенности.

Рядом со столом стояла Елена — молодая, почти чужая. У окна был Андрей, отец, официально исчезнувший много лет назад. А за столом сидел Вальтер Вольф.

Роза не ожидала увидеть Вольфа в своём детстве. Не за этим столом. Не рядом с отцом. Не так спокойно.

Она закрыла папку, потом снова открыла. Жест был бессмысленный, но телу иногда нужно повторить невозможное, прежде чем голова согласится.

Она перевернула снимок. На обороте синими чернилами стояли три слова:

НА БУДУЩЕЕ.

За окном шумел Буэнос-Айрес. На столе таял крем от торта. Роза сидела перед фотографией и вдруг заметила, что уже несколько минут не ждёт новых сообщений.

Глава вторая. Торт

Коробка переночевала на кухонном столе рядом с недо-еденным тортом. Роза почти не спала. В три часа ночи она проснулась с ощущением, что что-то забыла. В четыре вспомнила. В пять подумала, не открыть ли всё до конца. В шесть решила, что это уже глупость. К семи варила кофе и старательно не смотрела на стол.

К половине девятого она снова была в Lost Buenos Aires. Лусия сидела за своим столом: два монитора, три открытых окна, один кофе и ни малейшего уважения к окружающему миру.

— Вы ужасно выглядите, — сказала она.

— И тебе доброе утро.

— Это и было доброе утро. Просто честное.

Роза открыла почту. Тридцать семь непрочитанных писем, две встречи, одна корректировка бюджета и рассылка, которую никто не просил. Письма хотя бы не притворялись, что пишут по любви.

— Отпраздновали? — спросила Лусия.

— День рождения или моё угасание?

— Начнём с дня рождения. Угасание оставим после кофе.

— Тогда почти нет.

— Правильно. Люди, которым нравятся дни рождения после пятидесяти, начинают покупать мебель комплектами. С

этого обычно всё и рушится.

Роза рассмеялась раньше, чем успела решить, что не будет. Лусия заметила и довольно прищурилась.

— Сын поздравил?

— Поздравил.

Слово прозвучало сухо. Лусия услышала это сразу.

— Звучит как отметка в журнале.

— Он занят.

— Вы сейчас его оправдываете или себя уговариваете?

Роза посмотрела на неё поверх экрана.

— До обеда ты особенно невыносима.

— Зато эффективна.

В половине одиннадцатого появился Мартин. Не вызвал, не написал, не назначил встречу; просто остановился у её стола с выражением человека, которому очень не хотелось быть замеченным слишком рано.

— У вас есть минутка?

— Если это опять о моём будущем, то оно уже занято.

Мартин улыбнулся слабо. Ответ был получен.

Девятнадцать минут спустя официально снова ничего не изменилось. Когда Роза вернулась к столу, Лусия уже ждала.

— Что они сказали на этот раз?

— Похоже, я всё ещё чрезвычайно ценна.

— Сколько раз?

— Три.

— Тогда вам конец.

— Спасибо за точность прогноза.

За окном начался дождь — тонкий, нерешительный. По карнизу побежала вода, и кто-то в кафе сразу пожаловался на сырость, как будто дождь можно было пристыдить.

Лусия развернула на экране ряды изображений: улицы, витрины, дверные проёмы, прохожие, которые переходили улицы и ещё не знали, что однажды их будут изучать.

Лусия зевнула, не успев прикрыть рот, и сразу поморщилась.

— Простите. Я до двух ночи спорила с базой данных. Она победила.

— Наконец-то достойный противник.

— Не издевайтесь. У неё нет тела, зато есть права администратора.

Эта маленькая усталость неожиданно сделала Лусию менее безупречной. Роза поймала себя на том, что ей стало легче рядом с человеком, который тоже иногда проигрывал неодушевлённым предметам.

— Можно спросить? Зачем люди хранят семейные коробки с бумагами?

Вопрос попал не туда, куда должен был. Роза подумала о посылке на кухонном столе.

— Потому что им кажется, что внутри лежит ответ.

— А он там лежит?

— Обычно нет. Но люди всё равно открывают коробки.

Лусия кивнула и на этот раз не стала продолжать. Роза

оценила это молча.

К шести Роза вернулась домой. Посылка стояла там же. Торт рядом выглядел уже не едой, а напоминанием. На секунду она представила, что оставит коробку закрытой навсегда, но сама же не поверила этому варианту.

Она села за стол и снова взяла фотографию. На снимке была обычная кухня: стол, шкаф, чайник, трое взрослых и ребёнок в красной шапке. Роза узнавала ребёнка и почти ничего вокруг.

Кухня должна была быть знакомой, но не была. Стол не отзывался. Даже взрослые выглядели отдалёнными, будто им поручили сыграть её семью, но забыли сказать, кто кого любит.

Елена стояла рядом со столом — чуть за тридцать, моложе, чем теперь была сама Роза. Родители, по мнению Розы, должны оставаться старше; таков договор, пусть никто его и не подписывал.

Андрей стоял у окна. Он не смотрел в камеру. Он смотрел на ребёнка, и именно это смутило Розу сильнее всего. На семейных фотографиях взрослые обычно смотрят на фотографа с выражением торжественного владения моментом. Андрей был занят не съёмкой, а кем-то внутри кадра.

У стола сидел Вальтер Вольф. Его Роза не ожидала увидеть здесь. Вольф принадлежал более поздним годам: архивам, карточкам, разговорам о памяти. Не кухням и не детству. И всё же он был там — с чашкой в руке, в хорошем

костюме, наблюдающий за всеми так, будто уже собирал сведения.

Роза потянулась к остальным бумагам. Ещё снимки, квитанции, билеты, визитные карточки, театральная программа, счета из прачечной. Археология обычной жизни.

Она разложила фотографии по столу. Дети. Здания. Семейные встречи. Уличные сцены. Отсутствия.

Последняя категория возникла сама. Роза даже написала это слово на листке, потом почувствовала себя глупо: ни один человек такой профессии не стал бы заводить папку с таким названием. И всё-таки именно она оказалась самой точной.

Снимки, на которых должен был быть кто-то ещё, но его не было. День рождения с одним пустым стулом. Праздничный стол с прорехой. Школьное мероприятие, куда пришла одна Елена. Семья, которая уже начала редактировать саму себя.

Роза перевернула фотографию из парка: Елена, маленькая Роза, скамейка. Без Андрея. На краю кадра виднелась чья-то тень — возможно, фотографа, возможно, дерева. Тень обещала присутствие и не давала имени.

На обороте стояла дата — за два месяца до его официального исчезновения. Роза проверила другой снимок, потом третий. Рисунок повторялся.

Май. Июнь. Август.

Рядом она поставила короткую черту там, где должен был

быть Андрей. Через десять минут черт стало больше, чем имён.

На минуту Роза решила, что нашла простое объяснение: эти снимки могли быть не семейным архивом, а материалами какого-нибудь проекта Вольфа. Он собирал чужие истории, чужие кухни, чужие исчезновения. Возможно, имя на папке означало не адресата, а тему. Роза почти обрадовалась этому варианту — настолько, что сразу ей не поверила.

Она стала искать технические признаки: номер плёнки, штамп фотолаборатории, пометки на полях. Ничего. Только знакомая девочка в красной шапке и взрослые, которые вели себя так, будто знали больше, чем положено знать людям на обычной кухонной фотографии.

Первый ложный вывод продержался семь минут. Для утешения это было слишком мало, для методологии — вполне достаточно.

Фотографии лежали ровно. Слишком ровно. Кто-то выбрал эти снимки, кто-то убрал другие, и пустые места вдруг стали выглядеть не случайностью, а порядком.

В половине первого завибрировал телефон. Лусия написала: «Жива?»

Роза посмотрела на фотографии вокруг себя и ответила: «Похоже. Нашла вещь, которая может быть важной».

Ответ пришёл почти сразу: «В полночь всё кажется важным. Поэтому людям с бумажной профессией нельзя работать после десяти».

Роза выключила свет на кухне и унесла фотографию в спальню. На всякий случай.

В темноте слова с оборота вернулись. Тот, кто написал «на будущее», рассчитывал, что будущему понадобится помощь. Роза положила фотографию на тумбочку лицом вниз. Через минуту перевернула обратно.

В офисе Роза попыталась заняться обычной работой. Обычная работа, как выяснилось, плохо переносила соседство с семейной коробкой. Она открывала таблицу с описаниями старых фасадов, но видела не фасады, а синий почерк на обороте фотографии. В строке «объект требует дополнительной проверки» ей почти захотелось написать: как и вся моя жизнь. Она не написала. Профессионализм иногда состоит в том, чтобы не оставлять в базе данных следов нервного срыва.

Лусия, вопреки своим двадцати девяти годам и демонстративному презрению к бумаге, умела смотреть на документы так, будто они могли укусить. Она не торопилась задавать вопросы. Сначала рассматривала края снимка, свет, положение рук, расстояние между людьми. Роза заметила это и вдруг раздражилась: чужая осторожность делала фотографию реальнее. Пока Роза была одна, можно было считать всё дурным совпадением, странной семейной сентиментальностью, ошибкой памяти. Стоило Лусии замолчать над снимком — и снимок перестал быть вещью, которую можно убрать в ящик.

— Может, вы боитесь, что там ничего нет, — сказала Лусия позже, когда они стояли у автомата с кофе.

— Спасибо. Мне не хватало именно такой бодрости.

Лусия нажала не ту кнопку, и автомат выдал кипяток без кофе. Она посмотрела на прозрачный стаканчик так, словно тот предал научную картину мира.

— Нет, — сказала она уже тише. — Неправильно. Вы боитесь не пустоты. Вы боитесь, что там всё сложится. Просто я устала и сначала сказала красиво, но мимо.

Роза почему-то оценила именно это: не точность, а исправление. Люди, которые признают промах до того, как их поймали, встречались реже хороших архивистов.

— Я стараюсь быть полезной, но не приятной. Это разные профессии.

Дома Роза ещё долго не открывала папку снова. Она ходила по кухне, убирала кружку, мыла уже чистую ложку, складывала пакет из магазина в другой пакет — русская матрёшка бытовой тревоги. Потом села. Фотография лежала перед ней как человек, который терпеливо ждёт признания. Роза провела пальцем по обороту, не по словам, а рядом с ними. Бумага была шероховатой. Настоящей. В этом и была неприятность.

В течение дня Роза несколько раз ловила себя на том, что мысленно возвращается к слову «личное». На папке оно выглядело почти официально, как гриф доступа. Личное — значит не для всех. Личное — значит, кто-то предполагал

границу. Но в её семье личное обычно существовало только у взрослых, да и то у тех, кто умел его защищать. У ребёнка было поведение, успеваемость, режим, здоровье, благодарность. Личного у ребёнка не было. Личное появлялось позже, когда уже не знаешь, как им пользоваться.

Лусия заметила, что Роза весь день не ест. Не сказала прямо: просто положила на край её стола половину своего сэндвича, завернутую в салфетку. Это было сделано так небрежно, будто сэндвич сам туда пришёл по делам цифрового архива. Роза сначала хотела вернуть, потом оставила. Забота, не требующая немедленного признания, была редкой и потому подозрительной. Она съела один кусок и почувствовала, что голод всё-таки был. Тело иногда знает новости раньше головы.

Вечером она позвонила матери без ясного плана. Елена ответила резко, почти с облегчением: видимо, ей тоже было нужно на кого-то раздражаться. Они поговорили о лекарствах, соседке, цене на гречку и бессовестности управляющей компании. Роза несколько раз подступала к вопросу о фотографии, но каждый раз отступала. Мать была слишком живая в своей привычной властности, и спросить её о прошлом казалось почти насилием над настоящим. Или трусостью. Роза не решила.

После разговора она положила телефон на стол и поняла, что руки дрожат. Не сильно — так, что можно не заметить, если не смотреть. Она посмотрела. Взрослый человек имеет

право не выдерживать, но Роза с детства путала право и разрешение. Разрешения ей никто не давал. Она сжала пальцы в кулак, досчитала до десяти и разжала. Потом взяла фотографию снова. Маленькая девочка в красной шапке смотрела прямо, как будто уже знала: взрослые будут уходить от вопросов дольше, чем она сможет молчать.

Ночью Роза записала первые даты. Не в компьютере, а рукой. Бумага сопротивлялась, ручка царапала лист, цифры получались неровными. Это почему-то помогало. Электронные файлы слишком легко исправить, переименовать, стереть. Рукописный список выглядел беднее и честнее. Май. Июнь. Август. Пропуски. Пустые места. Чья-то работа по исчезновению уже начала получать форму.

К утру Роза решила, что любой архив начинается не с документов, а с сопротивления. Документы лежат смиренно, зато человек, который должен их читать, немедленно находит тысячу разумных причин этого не делать. Она нашла их все: работа, недосып, мать, Дмитрий, счета, необходимость купить лампочку в коридор. Лампочка действительно перегорела неделю назад, но до появления коробки это не казалось вопросом исторической важности. Теперь любая бытовая мелочь претендовала на спасение.

Она всё-таки пошла в хозяйственный магазин. Продавец долго искал нужный цоколь, советовал энергосберегающую, жаловался на поставщиков. Роза слушала с почти благодарным вниманием. В мире лампочек всё было устроено чест-

нее: есть размер, мощность, цена, гарантия. Если не подходит — меняешь. Если перегорела — покупаешь новую. Семейная память не имела ни цоколя, ни инструкции, ни возможности вернуть товар в течение четырнадцати дней.

Дома она встала на табуретку и заменила лампочку. Табуретка шаталась. Роза держалась за стену, чувствовала под пальцами шероховатую краску и думала, что вот так нелепо люди и ломают себе шеи не от великих трагедий, а от попытки навести свет в прихожей. Когда лампа вспыхнула, коридор стал слишком ярким. На полу обнаружились пыль, забытый чек и тонкая полоска бумаги, выпавшая, вероятно, из коробки, когда она несла её в кухню.

Полоска оказалась обрывком списка. Только две строки: «не передавать Е.Б.» и ниже — «оставить Р. после совершеннолетия?» Вопросительный знак был маленький, почти стыдливый. Роза села прямо на пол. Совершеннолетие прошло тридцать пять лет назад. Кто-то когда-то думал о моменте, когда ей можно будет сказать. Потом этот момент либо отложили, либо проигнорировали, либо заменили новым удобным сроком. Семьи любят слово «потом». В нём помещается всё, чего не хватает смелости сделать сейчас.

В тот день в доме отключили воду. Управляющий прислал сообщение в общий чат: «Работы на два часа». Через шесть часов в чате уже ругались все: сосед с пятого этажа, женщина с младенцем, мужчина, который писал исключительно заглавными буквами, и кто-то под именем «Marta 3B», уверен-

ный, что всё это заговор против приличных людей.

Роза поставила чайник с остатками воды и поймала себя на нелепой благодарности к этой общей бытовой катастрофе. Когда дом ругается из-за воды, твоя личная история ненадолго теряет монополию на бедствие.

Но вечером вода пошла, соседи замолчали, и тишина вернулась к своему прежнему занятию: оставила Розу наедине с обрывком списка.

Она положила обрывок к фотографии. Коробка перестала быть странной посылкой. Она стала опоздавшим адресатом. Роза вдруг ощутила не только злость, но и странную унижительную ревность к собственному прошлому: там, оказывается, существовали решения, сомнения, обсуждения, сроки. Взрослые жили вокруг её судьбы активной жизнью, пока она училась красиво писать букву «Р» и не задавать вопросов.

Первой версией, которую она записала, была самая неприятная: Елена всё знала и спрятала коробку намеренно. Роза написала это твёрдо, почти с облегчением. Обвинение всегда даёт руке уверенность.

Через минуту она зачеркнула строку: не из прощения, а из-за отсутствия доказательств. Пока оставалась только удобная злость, а удобной злости Роза уже не доверяла.

Глава третья. На будущее

Утром Роза решила быть разумной: составила список вопросов и сварила кофе. Фотография лежала на тумбочке — красная шапка, кухня, слова на обороте. Сон ничего не улучшил, что было досадно, учитывая его репутацию.

Она положила снимок рядом с чашкой и попробовала подойти к нему как к обычному источнику: кто снимал, где, когда, зачем, что попало в кадр случайно, а что было расставлено намеренно. Профессиональная сетка вопросов внезапно выглядела слишком грубой для семейной кухни.

Фотография молчала. Роза всё равно записала это молчание в блокнот, хотя сразу устыдилась формулировки.

В десять она пришла в архив. Лусия уже сидела на месте: два монитора, три чашки и ни малейшего признака оптимизма.

— Вы её принесли.

Роза взглянула вниз. Фотография торчала из записной книжки.

— Похоже, принесла.

— Так начинается одержимость.

— Исследование. Не клеветщи на методологию.

Лусия протянула руку. Роза помедлила и передала снимок. Та изучала его не сочувственно, а профессионально. Роза ей в этом завидовала.

— Посмотрите на вашего отца, — сказала Лусия.

— Что с ним?

— Все остальные знают, что их снимают. Он — нет. Или я слишком быстро хочу это увидеть.

Роза снова взглянула. Елена, Вольф, ребёнок — все так или иначе играли перед камерой. Андрей смотрел на Розу. Это заметила не только Лусия. Роза просто не хотела первой назвать увиденное.

— Может, он отвлёкся.

— Может.

Лусия вернула снимок и взяла чашку. Данных пока было мало даже для приличной ошибки.

— Вы сейчас ищите не отца, — сказала Лусия. — Вы ищите место, где всё ещё можно было исправить.

— Тебе двадцать девять, Лусия. Не делай вид, что ты уже специалист по необратимому.

Фраза вышла ровной. От этого стало хуже.

Лусия закрыла снимок блокнотом.

— Вернёмся к фактам. Они хотя бы не используют мой возраст как аргумент.

Роза хотела извиниться сразу. Не смогла. Горло выбрало достоинство — старую дешёвую замену стыда.

В полдень позвонил Дмитрий. Неожиданно, коротко, торопливо. На экране его имя появилось так поздно, что уже успело стать не сообщением, а событием.

— Прости за вчера.

— Ты всё-таки вспомнил.

— Мам, я правда был загружен.

— Я знаю. Ты всегда загружен именно тогда, когда от тебя ждут человеческого поведения.

Они помолчали. Оба знали: дальше разговор уже не будет безобидным.

— Это несправедливо, — сказал он.

— Я сказала это не для ссоры.

— Конечно.

На заднем плане прозвучал женский голос. Роза не разобрала слов, но узнала интонацию молодой женщины, которая уже имела право быть рядом и ещё не обязана была объясняться.

— Ты с Кларой?

— Да.

— Хорошо. Передай ей привет. И скажи, что я не собираюсь становиться вашей проблемой перед отъездом.

— Мам.

— Что?

— Вот это и есть проблема.

Роза посмотрела на фотографию в записной книжке. Семилетняя девочка в красной шапке смотрела вперёд терпеливо — так смотрят дети, которым уже объяснили, где им стоять.

— Я просто хочу знать, что у тебя всё устроено.

— Нет, — сказал Дмитрий. — Ты хочешь, чтобы я сказал,

что всё устроено так, чтобы ты не чувствовала себя брошенной.

Фраза попала точно. Роза сделала вид, что не расслышала.

— Позвони бабушке на выходных.

— Я позвоню.

— Не потому, что я прошу.

— Тогда не проси.

Он сказал это тихо. Потом связь на секунду просела, лицо Дмитрия застыло на экране, и Роза увидела сына не живым человеком, а плохим кадром из чужого разговора. Через мгновение экран погас.

За его плечом мелькнула открытая коробка с инструментами. Дмитрий всегда чинил вещи молча: дверцы, розетки, чужие полки — всё, что имело винты и не требовало объяснять чувства. В детстве он так же разбирал сломанные машинки, а потом сердился, если Роза спрашивала, нужна ли помощь.

Через минуту пришло сообщение от Дмитрия: «Извини. Связь».

Роза посмотрела на это короткое слово. Оно подходило ко всему слишком хорошо: связь просела, прервалась, вроде бы была — и всё равно не выдержала разговора.

Она набрала: «У меня странная история с документами». Стёрла. Написала: «Ты не мог бы вечером поговорить нормально?» Стёрла и это. В итоге отправила: «Передай Кларе привет».

Ответ пришёл не от Дмитрия, а с его телефона через несколько минут: «Спасибо, Роза. Он сейчас за рулём. Позвонит позже. Клара».

Роза неожиданно рассердилась. На Клару — за вежливость. На Дмитрия — за руль. На себя — за то, что ей хотелось, чтобы взрослая чужая женщина оказалась виновата хотя бы в чём-нибудь. Это была плохая, мелкая злость. Зато живая.

В четыре Мартин прислал приглашение в календаре: «Обсуждение профессионального развития». Роза тихо рассмеялась.

— Плохие новости? — спросила Лусия.

— Те же новости, только ещё раз.

— Чаще всего это хуже.

Перед уходом Роза задержалась у стола Лусии.

— Я была неправа насчёт возраста.

Лусия не подняла глаз от экрана.

— Да. Но формулировка была качественная.

— Это не извинение.

— Зато честный отзыв. Извинение принимается.

И только тогда Роза поняла, что всё-таки извинилась.

К шести Роза была дома. Коробка ждала на кухонном столе. Она снова открыла её и стала перебирать содержимое уже без прежней осторожности.

Среди квитанций и билетов нашёлся кремовый конверт. Незапечатанный, пустой, без адреса и марки. Эта находка

раздосадовала её сильнее, чем следовало.

Роза положила конверт рядом с фотографией. Ребёнок, пустой конверт, чужой почерк. Предметы пока ничего не объясняли, но уже мешали делать вид, что всё случайно.

Потом пальцы наткнулись на небольшую пачку, перевязанную выцветшей голубой лентой. Письма или то, что когда-то было письмами.

Она развязала ленту. Внутри лежали сложенные листы: разная бумага, разные годы, разный почерк. На верхнем листе чернилами, выцветшими почти до коричневого, было написано: «Вальтер Вольф».

Роза замерла из-за имени, а не из-за почерка.

Первое письмо оказалось почти обидно обыденным: благодарность за возвращённые фотографии, уточнение фамилии, шутка о том, что Елена на снимке с самоваром выглядит усталой именно потому, что была усталой.

Просьбы, исправления, споры об именах, датах и том, была ли та или иная женщина тётёй, кузиной, второй женой или просто человеком, пережившим чьё-то благоразумие.

На первый взгляд пачка была безобидной. На второй — слишком осторожной. В семейной коробке вещи обычно лежат по принципу «куда поместилось». Здесь кто-то разделял, связывал, оставлял следы для будущего читателя.

На оборотах писем встречались карандашные пометки Вольфа: «Попросить второго свидетеля», «Проверить дату», «Не доверять свадебным историям». Последний совет, в це-

лом, применялся слишком редко.

Потом Роза нашла записку. Это было не письмо: ни обращения, ни адреса, ни вежливой усталости. Только узкий листок, вырванный из блокнота.

Сначала она решила, что буква «А» означает Андрей. Решила слишком быстро — с той поспешностью, с какой человек хватается первое объяснение, лишь бы не стоять на сквозняке неопределённости. Андрей писал Вольфу. Андрей требовал временной версии. Андрей хотел вернуться. Несколько минут всё даже выглядело почти романно и потому подозрительно.

Потом Роза сравнила наклон буквы с подписью на старой квитанции, где имя Андрея стояло полностью. Не совпадало. Или совпадало недостаточно. Её первое открытие превратилось в первую ошибку.

Она почувствовала раздражение, непропорциональное факту. Ошибки в чужих архивах она переносила спокойно. Собственная ошибка сразу казалась унижением.

«Вальтер, ты обещал, что эта версия будет временной.

А.»

Без фамилии, без даты, без пояснений. Только это предложение.

Роза прочла записку дважды и положила рядом с чашкой. Версия — странное слово. Если была временная версия, значит, существовала и другая. Менее удобная. Та, которую отложили до времени, когда её кто-то сможет выдержать.

Разумнее всего было бы остановиться, лечь спать и вернуться к бумагам утром. Вместо этого она открыла ещё одну папку.

Внутри лежали списки: адреса, телефонные номера, короткие машинописные строки с рукописными добавлениями. В одном списке значилась Елена Лескова. В другом — Вальтер Вольф.

Третье имя заставило Розу выпрямиться.

Андрей Лесков.

Адрес рядом с его именем был незнакомым. Не Москва и не место, о котором Роза когда-либо слышала от Елены.

Роза открыла карту. Адрес нашёлся не сразу: старое название улицы, потом новое, потом район, который за годы успел сменить репутацию несколько раз. На экране возник обычный фасад с железной решёткой, пятном граффити и аптекой на углу. Никакой тайны: просто дом. От этого стало неприятнее.

Она почти решила, что адрес мог принадлежать не Андрею, а однофамильцу. Лесковых хватало. Андреев — тем более. История, если дать ей шанс, всегда предлагает самый скучный способ тебя унизить: ты драматизировала, перепутала, не проверила.

Через десять минут она нашла рядом с адресом старый телефонный код, совпадавший с пометкой на другой карточке. Версия об однофамильце умерла без церемоний.

В 23:31 завибрировал телефон. Лусия спросила, ведёт ли

Роза раскопки.

«Раскопки предполагают, что я знаю, что ищу», — ответила Роза.

Лусия написала: «Это археология. Или бессонница. Иногда они выглядят одинаково. Но семейная история правда часто начинается там, где в старых документах появляется лишний вариант».

«А если нет?»

Ответ пришёл не сразу, и эта задержка успела стать частью ответа.

«Значит, кто-то начал улучшать запись».

Роза смотрела на экран дольше, чем требовалось. «Улучшать» — опасное слово. Оно звучит благородно ровно до того момента, пока не спросишь, кому не понравился оригинал.

Роза посмотрела на стопку бумаг. Где-то там была причина. И впервые ей стало ясно: найти её — не то же самое, что обрадоваться находке.

Она завязала ленту обратно. Узел получился неровным. Роза оставила его таким.

Роза не стала читать дальше.

Не из усталости. Усталость была бы удобной причиной.

Она просто поняла: каждое новое доказательство требует не только понять его, но и жить дальше уже с ним.

Бумага лежала спокойно.

Роза встала, вымыла чашку, потом вторую, хотя вторая

была чистой. Вытерла стол. Переставила ложку.

Только после этого вернулась.

Не готовая. Но вернулась.

Красная шапка всё чаще казалась Розе не знаком и не загадкой, а простой детской вещью. Шерсть чесала лоб, резинка давила под подбородком, мать говорила: «Не трогай».

Сначала ребёнку поправляют воротник. Потом голос. Потом выражение лица.

Не так стой.

Не так говори.

Не спрашивай.

Улыбнись.

Потом это называют характером.

Она открыла кухонный шкаф и достала коробку с чаем, хотя пить чай не хотела. Иногда рука продолжает выполнять старые инструкции, когда голова уже отказалась участвовать. В шкафу стояли две чашки, купленные в Сан-Тельмо: одна с трещиной, другая с облезшим рисунком. Роза оставила обе. Ей нравились вещи, которые не притворялись целыми.

Позже она разложила фотографии не по датам, а по тому, как люди на них смотрели. Это было непрофессионально, почти стыдно, но оказалось точнее. Елена смотрела в камеру как в инстанцию, которой нужно предъявить порядок. Вольф смотрел в сторону кадра, будто уже видел то, что остальные потом будут отрицать. Андрей чаще смотрел на Розу. не

умилённо, а внимательно. Это внимание раздражало сильнее всего: оно обещало близость, которой в семейной легенде не было места.

К двум ночи Роза поняла, что устала не от фотографий. Она устала от необходимости быть разумной. Разумность всю жизнь работала на чужую редакцию: не драматизируй, не выдумывай, не цепляйся, не усложняй. Семья вообще часто называет разумностью тот момент, когда человек соглашается не спрашивать. Роза взяла лист бумаги и написала сверху: «Что не сходится». Потом долго смотрела на эту фразу. Наконец добавила первый пункт: «Я».

В детстве Роза любила раскладывать пуговицы из материнской коробки. Елена разрешала это только под присмотром: пуговицы были не игрушками, а запасом на случай непредвиденной бедности. Большие коричневые, маленькие перламутровые, металлические с гербами от старых пальто — каждая должна была вернуться в свою ячейку. Теперь, перебирая фотографии, Роза поймала тот же жест: распределить, подчинить, вернуть порядок. Разница была в том, что пуговицы не возражали. Прошрое возражало постоянно.

На одной фотографии Елена поправляла Розе воротник. Движение было заботливым, почти нежным, если не знать, как оно ощущалось изнутри. Роза помнила эти пальцы у подбородка: быстрые, сухие, решительные. Мать не спрашивала, удобно ли. Она знала, как должно быть. Удобство ребёнка редко входило в список семейных критериев. Главное —

чтобы не стыдно перед людьми. Люди, которых Роза чаще всего даже не знала, участвовали в её воспитании как невидимый наблюдательный совет.

Ещё один снимок был сделан во дворе. Роза на качелях, Елена рядом, за ними дерево с белёным стволом. Кадр казался обычным, пока Роза не заметила внизу край мужской тени. Не Андрей — или Андрей. Не доказательство — или почти. Она увеличивала фотографию на телефоне, пока изображение не распалось. Тень осталась тенью. Семейные тайны любят такие жестокие формы: показать достаточно, чтобы ты не смогла забыть, и недостаточно, чтобы ты могла доказать.

Роза впервые подумала, что Вольф, возможно, собирал коробку не для неё нынешней. Не для женщины пятидесяти трёх лет с работой в архиве и сыном, который отвечает слишком поздно. Он собирал её для той девочки на снимке, которая не имела права спрашивать. Это было странное посмертное покровительство, запоздалая попытка вернуть ребёнку вопрос. Роза не знала, благодарить за это или злиться. Злиться пока получалось лучше.

К утру фотографии лежали уже не кучей, а рядами. Роза увидела между ними не историю, а монтаж. Кто-то выбирал крупные планы, убирал лишних людей, оставлял безопасные даты, подменял причины поводами. В семейных альбомах, подумала она, монтаж часто выдают за память. Только режиссёра не указывают.

Перед работой Роза вынесла мусор и встретила у лифта соседку с маленькой собакой, которая всегда лаяла на мужчин, чем заслуживала у хозяйки репутацию тонкого психолога.

— У вас всё хорошо? — спросила соседка по-испански, глядя не на лицо Розы, а на пакет в её руке. Пакет был пустой. Роза вынесла мусор без мусора.

— Да, конечно.

Собака посмотрела на неё с недоверием. В этот раз Роза была почти на её стороне.

На улице начинался обычный день: автобус рычал у светофора, в киоске спорили о сдаче, мальчик тащил школьный рюкзак, как маленький приговор. Роза шла к метро и думала, что расследования в книгах начинаются красиво: герой находит ключ, письмо, старую карту. В жизни расследование начинается с того, что ты выходишь из дома с пустым мусорным пакетом и понимаешь: порядок уже дал трещину, просто ты пока называешь её усталостью.

Глава четвёртая.

Разумное объяснение

Следующий вечер Роза посвятила тому, чтобы доказать себе: она ошибается. В профессии историка это почти ежедневная гигиена: сначала не верить собственному удобному выводу.

Записка, подписанная буквой А, незнакомый адрес Андрея, слово «версия», Вольф в семейной кухне — всё это ничего не доказывало. Она повторила это несколько раз. Убедительнее не стало.

Она разложила бумаги на столе, потом собрала обратно. Через пять минут снова разложила. Такой вид работы редко производит впечатление на посторонних, зато прекрасно имитирует контроль для самого человека, который его потерял.

На несколько минут Роза позволила себе самое простое объяснение: Андрей просто ушёл. Не исчез, не погиб, не был вынужден — ушёл. Объяснение было грубым, почти пошлым, зато понятным. На него можно было злиться, а злость хотя бы не требовала сверять даты.

Она даже записала в блокнот: «Андрей ушёл добровольно». Посмотрела на фразу и поставила рядом вопросительный знак. Потом второй. Третий ставить не стала: у сомне-

ния тоже должен быть бюджет.

В десять утра Роза принесла фотографию в архив, хотя ночью обещала себе этого не делать. Обещания, данные в три часа ночи, вообще редко проходят дневную проверку.

Лусия была на месте. На её столе стоял кофе, лежал телефон с треснувшим углом и пакет с чем-то, что могло быть завтраком, если не задавать высоких требований к человеческой пище.

— Вы опять принесли семейное преступление? — спросила она.

— Семейную неясность.

— Это то же самое, только без адвокатов.

Роза положила снимок на край стола.

Лусия не потянулась к нему сразу. Сначала закрыла окно на компьютере, потом вытерла пальцы салфеткой. Этот маленький церемониал раздражал Розу больше, чем должен был: чужая аккуратность делала её тревогу официальной.

— Если это очередная попытка убедить себя, что всё случайно, — сказала Лусия, — я готова подыграть, но недорого.

— Просто посмотри.

Лусия взяла фотографию. Долго молчала. Потом вернула.

— Он смотрит на вас.

— Не факт.

— Нет. Не факт. Но вы уже это знаете.

Роза хотела возразить, но в этот момент мимо стола прошёл Мартин с папкой в руках. Он задержался, увидел фото-

графию и сразу сделал вид, что ничего не видел. У людей, работающих с чужой памятью, было редкое умение не замечать слишком личного.

— У вас сегодня встреча с ним? — спросила Лусия, когда Мартин ушёл.

— С Мартином? Да. «План перехода».

— Звучит как эвакуация без объявления войны.

— У вас в Аргентине всё звучит как эвакуация.

— Зато мы быстро понимаем, где выход.

Роза почти улыбнулась, но улыбка не собралась.

Встреча с Мартином состоялась в переговорной, где кондиционер гудел с тихой угрозой. На экране была таблица: задачи, сроки, ответственные, риски. Роза смотрела на колонку «риски» дольше, чем следовало. В её жизни риски почему-то всегда оформлялись задним числом.

— Это не сокращение, — сказал Мартин.

— Хорошее начало для разговора о сокращении.

Он вздохнул.

— Роза, вы слишком прямолинейны.

— Нет. Я слишком долго читаю документы.

Мартин не нашёл, что ответить. В этом был небольшой, почти стыдный успех.

После встречи она вышла во внутренний двор. Там пахло сырой штукатуркой и листьями. У стены курил охранник Пабло, который всегда здоровался так, будто они оба пережили одну и ту же войну, хотя на самом деле просто работа-

ли в одном здании.

Он поднял бровь, предлагая сигарету. Роза покачала головой.

— Плохой день? — спросил он.

— Обычный.

— Тогда хуже.

Она рассмеялась. Ненадолго. В Буэнос-Айресе люди умели произносить бытовые истины без претензии на философию, и от этого они звучали убедительнее любых карточек Вольфа.

Домой Роза вернулась поздно. Коробка ждала на кухонном столе с той терпеливостью, которая бывает только у вещей: они ничего не требуют и именно поэтому выигрывают.

Она открыла чат с матерью, увидела последнее голосовое о лекарствах и закрыла его. Разговор о Вольфе сегодня превратил бы вопрос в семейный суд, а Роза пока не знала, что предъявлять.

В блокноте она написала: «разумное объяснение». Ниже — «Андрей ушёл добровольно?», «Вольф не свидетель?», «адрес совпадение?» Вопросительные знаки выглядели аккуратнее, чем страх. На ночь она оставила их без вывода.

Глава пятая. Временная версия

Звонок соседки раздался сразу после того, как Роза сняла обувь и поставила чайник. Она уже успела решить, что день закончился, хотя день, судя по всему, не был поставлен в известность.

Номер был незнакомый. Российский. Не Елены Борисовны.

Роза смотрела на него, пока телефон не замолчал. Потом он зазвонил снова. Настойчивость редко приносит хорошие новости.

— Роза Андреевна?

Отчество прозвучало официально, будто звонок пришёл из поликлиники или из прошлого века.

— Да, я слушаю.

— Это Валентина Михайловна. Из дома вашей мамы. Тридцать вторая квартира. Мы однажды встречались, кажется, у лифта.

Роза такой встречи не помнила. В российских многоквартирных домах люди часто помнят друг друга за всех остальных.

— С моей мамой всё в порядке?

Пауза была короткой. Человек на другом конце явно выбирал слова и уже этим пугал.

— Поэтому я и звоню.

Роза села за кухонный стол. Коробка всё ещё стояла там: бумаги Вольфа, присланный снимок, доказательства мёртвых и отсутствующих. Внезапно всё это стало почти понятным. Живой человек в Москве был страшнее любой карточки.

— Что случилось?

— Ничего такого не случилось.

Слово «такого» ничего не успокоило.

— Она кажется очень растерянной, — сказала Валентина Михайловна.

Роза почувствовала, как раздражение пришло раньше страха. Неправильная реакция. Зато честная.

— Моя мать всегда была трудным человеком.

— Нет, — сказала женщина. — Я не это имею в виду.

Роза замолчала. Теперь слово «растерянной» уже нельзя было списать на соседскую тревожность.

Валентина Михайловна продолжала осторожно. Елена Борисовна дважды заплатила за молоко в магазине внизу. Оставила ключи в двери на всю ночь. Спросила у консьержа, на каком этаже живёт, а потом рассмеялась и сказала, что это шутка. Назвала Валентину Михайловну Ниной, хотя Нина умерла шесть лет назад и походила на неё, кажется, только тем, что тоже принадлежала к широкой категории женщин с хозяйственными сумками.

Роза слушала и ничего не записывала. Это испугало её сильнее самой информации: рука лежала рядом с блокнотом

и не двигалась. Обычно она записывала всё — даты, ссылки, банковские списания, фразы, произнесённые слишком быстро. Так она удерживала панику на полях.

Сейчас рука не двигалась. Блокнот лежал рядом бесполезной вещью.

Она всё-таки открыла его, поставила дату и написала: «молоко». Потом зачеркнула. Получилось нелепо, почти смешно: из всех слов, которые могли начать катастрофу, первым стало самое бытовое.

Роза закрыла блокнот. Ей не хотелось видеть эту запись. Но и вырвать страницу она не смогла.

— Вчера она стояла в вестибюле почти десять минут, — сказала соседка.

— Почему?

— Думаю, она не была уверена, какая дверь её.

Соседка сказала это тихо. От этого фраза стала тяжелее.

Роза подумала о квартире Елены Борисовны: точные занавески, точные шкафы, точные папки, таблетки по дням, квитанции, сохранённые с серьёзностью государственных архивов. Женщина, которая пережила горе, отсутствие денег, вину, старость — и вдруг не уверена в двери собственной квартиры.

Первой мыслью было не то, что матери страшно. Эта мысль пришла позже и уже с опозданием.

Первой мыслью было: я не справлюсь.

Роза тут же устыдилась этого, но мысль уже прозвучала.

Неприличная, практичная, живая.

— Она была у врача? — спросила Роза.

Вопрос прозвучал бодро и деловито. Роза услышала себя со стороны: дочь, которая срочно изображает компетентность.

— Она говорит, что врачи выдумывают болезни для людей, у которых есть время и деньги.

Да, это была Елена Борисовна. Узнаваемая. Упрямая. От этого стало легче — секунд на пять.

После звонка Роза осталась сидеть с телефоном в руке. В квартире было тихо — не мирно, а так, как бывает тихо после новости, которую некуда положить.

Чайник на плите щёлкнул. Роза вздрогнула, хотя звук был обычный. Она пошла на кухню, выключила газ и только там заметила, что воды в чайнике почти не было. Она поставила его пустым.

Это было не страшно. Именно поэтому стало страшнее.

Она открыла список контактов и не сразу поняла, кому звонить: родственникам, врачу, Дмитрию. Все варианты были правильными, и ни один не был настоящим.

Она всё же позвонила Дмитрию. Связь не прошла. Потом пришло сообщение: «Мам, я на встрече. Что-то срочное?»

Роза посмотрела на эти три слова. Что-то срочное. Как будто жизнь обязана правильно заполнить поле темы.

Она набрала: «Бабушка чудит». Стёрла. Набрала: «Соседка звонила, кажется, у мамы проблемы с памятью». Слиш-

ком длинно. Слишком страшно. Набрала: «Позвони, когда сможешь». И отправила.

Ответ пришёл через минуту: «Ок».

Две буквы. Без злого умысла. Вот в этом и была их особая жестокость.

Карточка Вольфа лежала рядом с каталогом. На ней его аккуратным почерком было написано:

«Память редко теряется. Обычно её заменяют».

Впервые эта фраза не показалась изящной. Она показалась буквальной.

Нужно было что-то делать: звонить, искать врачей, смотреть билеты, считать деньги. Практический мир вернулся списком и ничем не помог. Список выглядел деловым, почти приличным; внутри него не было места тому, что мать могла однажды не узнать собственную дверь.

Позже Роза всё-таки позвонила Елене Борисовне ещё раз. Мужеством это не было. Скорее действием, которое тело выполняет раньше, чем человек успевает решить.

Из динамика сначала донеслось шуршание, потом короткий стук — мать, кажется, передвигала коробку с таблетками. Камера включилась уже после этого: в кадре были край стола, занавеска и рука Елены Борисовны, ищущая опору.

— Опять эта машина, — сказала мать.

— Всё ещё телефон, — ответила Роза.

Елена Борисовна поставила телефон устойчивее. На мгновение Роза увидела знакомую комнату: шкаф, занавеску, фо-

тографию в рамке, таблетки на столе.

Потом мать посмотрела прямо в камеру и сказала:

— Твой отец звонил?

Роза ответила не сразу. Вопрос не звучал как уловка. Вот что было хуже всего.

— Он не звонил сорок лет, — сказала Роза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.